

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТРЕНДСЕТТЕР

23. «БЫСТРО ОТКРЫЛ! Бегом, лошара! Бегом, я сказала!» — так или примерно так кричит интеллигентного вида блондинка в очках с переднего пассажирского сиденья черного «Мерседеса» S-класса. Охранник суетится. По инструкции, прежде чем открывать шлагбаум, он должен сверить номера со списком приглашенных. Но ведь и глаза у него есть. Видит, что автомобиль непростой. Черный новый «Мерседес» значит: государева служба. Но почему тогда нечиновного вида господин на заднем сиденьи, а блондинка с айпадом на переднем? Счастливым номер 117 с осмысленно подобранными буквами и федеральным флажком вместо регионального кода означает: особые привилегии. Но почему тогда блондинка не на заднем сиденьи, черт возьми, а на переднем? Дочка чья-нибудь? Разумеется, дочка, но почему тогда выглядит не гламурной кисой и не нарочито скромной студенткой, а наглой знайкой в очках? Еще секунда, и охранник узнает блондинку. Как же не узнаешь? Это же телеведущая Ксения Собчак. Совершенно сбитый с толку сторож поднимает шлагбаум, не сверивши номера. То есть идет на прямое должностное нарушение. И это правильно. Именно такое впечатление на лоха и должен производить рублевский

Игрок второго уровня, которого мы условно называем трендсеттер, законодатель мод.

При случае я спрашиваю у Ксении Собчак: «Зачем же вы, Ксения, так орете на охрану?» И в ответ получаю скромно потупленные глаза, мотыльком порхающие реснички и извиняющуюся интонацию: «Вы правы, Валерий, это ужасно. Я стараюсь не орать, но видите ли, в чем дело, — они не понимают. Они не привыкли, что с ними разговаривают вежливо. Они принимают вежливость за слабость. И как только видят слабого, немедленно начинают издеваться, понимаете? Такой уж у них условный рефлекс выработался за многие годы. Приходится орать, хоть это и неприятно!»

Пока она говорит, у меня в голове случается такое же раздвоение сознания, как у вышеописанного охранника. Я вижу перед собой интеллигентную девушку из профессорской семьи, и эту же девушку я видел орущей на охранника, будто рыночная хабалка. Два образа не сходятся, как не сходятся электроды в школьной динамомашине на уроке физики, когда учитель хочет показать детям разряд молнии. Чтобы проскочила молния, между электродами должен быть зазор. И точно так же логический зазор должен быть между поступками трендсеттера, если он хочет диктовать людям тренды. В этом смысле биография Ксении Собчак сплошь состоит из логических зазоров.

Впервые публично Ксения показалась на похоронах. Хоронили ее отца Анатолия Собчака, бывшего мэра Санкт-Петербурга, на которого в начале своей политической карьеры работал Владимир Путин. Путин приехал поклониться гробу бывшего своего благодетеля. Подходил

к одетой в траур семье, тихо соболезнавал, обещал помощь. В скором времени мать Ксении и вдова Собчака Людмила Нарусова сделалась сенатором, и понятно стало, что вот президент устроил семье бывшего начальника синекуру. Ксения, как планировалось, будет жить тихонечко, но в достатке, как и подобает дочери заслуженного, но всеми забытого человека.

Однако ничуть не бывало. Следующее известие касательно Ксении было таким: у нее украли черные бриллианты, подаренные Умаром Джабраиловым. Джабраилов в общественном сознании представлял тогда чеченским бандитом, убившим партнера своего Пола Тейтума, и, даже если никакого Тейтума Джабраилов не убивал, все равно странно, что профессорская дочка принимает дорогие подарки от человека с такой репутацией.

Так она — подумалось всем — светская вертихвостка? Но почему тогда так достойно держала себя на похоронах отца? Ответа не нашлось, но логический зазор между двумя образами Ксении вызвал к девушке незаслуженный еще на тот момент общественный интерес.

Потом некоторое время Ксения вела себя как совершеннейшая светская вертихвостка. Являлась на все рублевские тусовки, путешествовала с Рустамом Тарико на Сардинию, бесконечно училась в престижном вузе, ненадолго вышла замуж за богатого человека. И вот когда общественное мнение совсем уж было приготовилось навесить на Ксению ярлык гламурной кисы, девушка принялась вдруг делать совершенно необычную для светской вертихвостки вещь — работать, причем много. Она вела

телевизионную программу «Дом-2», ток-шоу на радио «Серебряный дождь», церемонии музыкальных и киношных премий, корпоративные вечеринки, брала вполне серьезные интервью для глянцевого, впрочем, журнала GQ. И никакой политики. В общественном сознании утвердилось, что Ксения — из тех довольных путинским режимом глянцевых журналистов, которым нефтяное наше изобилие предоставляет возможность жить припеваючи, при условии, чтобы не лезли в политику. Это походило на правду, тем более, в рублевских ресторанах Ксения прямо говорила друзьям-приятелям, что не станет направлять свое год от года все более изощренное перо против (в прямом смысле слова) крестного своего отца Владимира Путина.

Ее даже полюбили. В тридцатилетний юбилей ей даже устроили бенефис на Первом государственном канале телевидения. Она даже пела... Как вдруг ни с того ни с сего Ксения Собчак стала участвовать в протестных акциях, последовавших за парламентскими выборами декабря 2011 года. Записные оппозиционеры посмеивались над ней, долго не признавали за свою, пока ее телевизионное ток-шоу «Госдеп-2» не оказалось чуть ли не единственной трибуной оппозиционеров. Светские хроникеры связывали протестные настроения Ксении Собчак с тем обстоятельством, что у нее, дескать, роман с оппозиционным политиком Ильей Яшиным. Кремлевские охранители называли декабрьские протесты на московских улицах «норковой революцией», намекая в первую очередь на участие в протестах гламурных персонажей вроде Собчак. Но, так или иначе, во всех головах засел насажденный Ксенией

логический зазор, когнитивный диссонанс по поводу этой девушки, тем более усилившийся, когда выяснилось, что на протестные акции Ксения приезжает в машине с мигалкой, принадлежащей не то ФСБ, не то подмосковной прокуратуре. Ближе к президентским выборам 2012 года Ксения совершила еще два поступка, головокружительно несуразных с точки зрения прямой логики, но совершенно оправданных с точки зрения раздвоенной логики тренд-сеттера. Во-первых, она задала «неприличный вопрос» Чулпан Хаматовой. Во-вторых, донесла властям на провокаторов Марша миллионов.

Перед президентскими выборами актриса и попечительница крупнейшего в России благотворительного фонда «Подари жизнь» Чулпан Хаматова выступила по телевизору с публичной поддержкой кандидата в президенты Путина, баллотировавшегося в третий раз. Хаматова говорила, что Путин — единственный из кандидатов, кто всерьез помогал ей с детьми, обещал построить и построил в Москве современнейшую и высокотехнологичнейшую онкогематологическую клинику. Разумеется, для оппозиционно настроенной интеллигенции это выступление любимой актрисы, которую в связи с благотворительной деятельностью считали чуть ли не святой, оказалось ударом. Оппозиционеры решили единогласно, что поддержать Путина Чулпан вынудили, запугав закрытием клиники и разорением фонда. Спасая детей (решили оппозиционеры), Чулпан вынуждена поддерживать сатрапа.

Разумеется, публично задавать актрисе вопросы об этой истории считалось неприличным, потому что, дескать,

рассказать правду Чулпан не могла (на то она и жертва шантажа), а могла только еще раз произнести болезненные для себя слова, что, дескать, голосует за Путина.

Каково же было всеобщее негодование, когда на церемонии вручения премии кинематографистов «Ника» ведущая Ксения Собчак спросила во всеуслышание: «Чулпан, скажи, ты занималась бы политикой, если бы не занималась благотворительностью?» Зал свистел. А некоторое время спустя Ксения Собчак позвала Чулпан Хаматову к себе в ток-шоу и сорок минут на разные лады задавала все тот же вопрос: «Если бы не дети, если бы не благотворительный фонд, стала ли бы ты поддерживать Путина?» Сорок минут Чулпан героически уходила от ответа, но всякий раз так, чтобы не возникало сомнений, что Путин она поддерживает. А Ксения... Ксении, кажется, не важно было, что отвечает гостя, важно было, что вот она, Ксения Собчак, сорок минут кряду задает вопрос, который задавать нельзя. Она нарушала правила принародно и долго, чтобы даже до самых тупых телезрителей дошло: она трендсеттер, человек, целенаправленно нарушающий правила, установленные другими, и устанавливающий свои. На фоне этой истории померкла и даже как-то незамеченной прошла история с прямым доносом, который написала Ксения Собчак на товарищеских оппозиционеров.

Дело было так. Шестого мая, накануне инаугурации президента Путина, избранного на третий срок, в Москве прошла протестная демонстрация. Она называлась Марш миллионов. Случились столкновения демонстрантов

с полицией. Был применен слезоточивый газ. Полицейские пустили в ход дубинки. Демонстранты бросали в полицейских камнями и кусками асфальта. Полицейские заявляли, что среди демонстрантов были провокаторы, первыми напавшие на полицию. Демонстранты, наоборот, заявляли, что это полиция первой начала разгон разрешенного и согласованного шествия.

И вдруг в интернете появилось заявление Ксении Собчак. Что она, дескать, была допущена в узкий круг организаторов митинга, заранее знала, что демонстранты готовят провокации против полицейских, и поэтому впервые с начала московских протестов на митинг не пошла.

Шизоидность этого заявления казалась вопиющей. Тебя допустили в узкий круг организаторов, а ты разглашаешь их тайны? Так ты предательница. Ты узнала о готовящихся провокациях и хочешь рассказать о них? Но почему тогда рассказала после митинга, когда побоище уже случилось, а не до, когда провокации можно было предотвратить?

Прямая человеческая логика непригодна, чтобы объяснить поведение Ксении Собчак. Но мы объясним: она трендсеттер. Трендсеттер нелогичен. Трендсеттер нарочно делает то, чего от него не ждут, чтобы утвердить свое право совершать невиданные, выбивающиеся из всех прежних конвенций поступки.

24. ИЛИ ВОТ ВАМ ЕЩЕ ЭПИЗОД — чемпионат трендсеттеров. Рассказывает Ольга Романова, сама образцовый трендсеттер, жена богача, но в дешевой пластмассовой бижутерии. Посадили мужа в тюрьму, так она не сидит тихонько

дома, как положено по правилам, а отчаянно за него воюет и в конце концов вызволяет. И вот ее рассказ.

О том, как Альфред Кох праздновал годовщину свадьбы. Сама по себе история парадоксальная, потому что Кох тридцать лет женат на одной и той же женщине. Редкость на Рублевке. Среди гостей — высокопоставленный государственный чиновник преклонных лет с молодой женой. Про чиновника известно, что он гей, а жена ему нужна в качестве реликвии, потому что у каждого ведь есть молодая жена модельной внешности — ну как он-то без такой? Про жену известно, что она из тех рублевских девочек, которых «растили на продажу».

Есть такая категория молодых женщин на Рублевке. Они здесь выросли. С самого раннего детства их матери только о том и думали, чтобы дочка выгодно вышла замуж, и для того проводили большую работу. Во-первых, с внешностью. Курносый ли нос, маленькая ли грудь, большая ли попа — все под нож пластического хирурга. В губах — силикон. Ни о каком животе не может быть и речи — на то фитнес-клубы. А из одежды — только марки, не дай бог иметь даже носки от Zara или H&M.

Во-вторых, серьезная предпродажная подготовка проводилась с психикой. Всякими правдами и неправдами вытравлялись сколь-нибудь романтические представления о жизни. Любви нет. Принцев на белом коне не бывает. Секс не должен приносить удовольствия. Верности, нежности, порядочности не должна ждать девочка, которую «выращивают на продажу». Только деньги должны иметь значение, и ради денег она должна быть готова

на все. Но и не продешевить. Не давать кому попало за побрякушки, а заполучить действительно богатого и влиятельного мужа.

И вот сидит за праздничным столом эта молодая женщина и во всеуслышание говорит про жену Коха, присутствующую здесь же: не может же мужчина хотеть женщину после тридцати-то лет совместной жизни. Стало быть, аморально поступает жена юбиляра, что продолжает жить со своим богатым и нестарым еще мужем. Давно должна была бы уехать тихонько куда-нибудь в Суссекс или в Нормандию и доживать незаметно, освободив место рядом с богатым мужчиной для молодых, нарочно «выращенных на продажу».

Когда общее застолье заканчивается и гости принимаются болтать, образовывая кружки и группки по интересам, эта молодая дрянь, только что публично хозяйку вечера оскорбившая, подсаживается к ней и, доверчиво заглядывая в глаза, принимается громко расспрашивать, как в молодом человеке разглядеть будущего олигарха, как в юном студенте распознать будущего вице-премьера правительства — как, иными словами, найти любовь красивой и романтической девушке. Вам же ведь это удалось, дорогая. Ну подскажите же — как?

Если непривычному наблюдателю кажется невозможным сначала оскорблять хозяйку, а потом просить у нее интимных советов, то мы ничего неожиданного в таком поведении не видим. Молодая женщина, которую никто не считает даже и человеком, а только вещью, реликвией, чем-то вроде портсигара, неуклюже пытается стать

трендсеттером, утвердить свое право на парадоксальное поведение.

Но не хватает мозгов. Развитие умственных способностей не входит в программу подготовки девочки, «выращенной на продажу».

25. ПОТОМУ ЧТО НЕ НАДО ДУМАТЬ, будто невиданных и парадоксальных поступков достаточно, чтобы стать трендсеттером. Совершенно недостаточно. Невиданные и парадоксальные поступки совершает и описанный в прошлой главе «пацан»-обыватель, но совершает просто так, из удали, редко когда ухитряясь извлечь из своей эксцентричности какую-никакую выгоду. Тогда как трендсеттер совершает неожиданные поступки с толком: чтобы тысячи людей удивились его поведению, возмутились, оскорбились, восхитились, принялись бы следить, обсуждали бы и, наконец, переняли бы у трендсеттера манеру говорить или завязывать галстук, то есть последовали бы тренду. Иными словами, чтобы быть трендсеттером, противоречивости недостаточно, нужно еще желание насаждать тренды. И вот вам пример трендсеттера-пустышки, женщины, которая могла бы диктовать моды, но не продиктовала ни одной.

Однажды в Монако (надо понимать, что многие рублевские жители воспринимают это благословенное княжество как филиал Рублевки) журналистка и жена миллионера Ольга Романова в одном из облюбованных русскими ресторанах познакомилась с необычной женщиной.

Женщина эта была негритяжкой, но по-русски говорила совершенно чисто, хоть и всякие глупости. Одета была прилично, но вела себя вызывающе: подсаживалась к разным людям за столики, пробовала еду из чужих тарелок. И из своей тарелки своей вилкой предлагала всем подряд тоже попробовать. Когда Романова пробовать чужую еду отказалась, женщина настаивала, не понимая, отчего это Романова манкирует таким милым развлечением.

При этом русские посетители ресторана к эксцентричной афророссиянке относились с большим интересом, если не сказать подобострашием, зазывали за свои столики, старательно поддерживали совершенно бессодержательную беседу и, что называется, глядели ей в рот — не скажет ли чего этакого. За весь вечер, однако, афророссиянка ничего умного не сказала, ничего примечательного не учудила и запомнилась Романовой только тем, что надела хуже горькой редьки.

Однако, придя домой, по журналистской привычке Романова полезла в интернет выяснять, кто же такая афророссиянка, оказавшаяся звездой вечера. Довольно быстро Гугл дал ответ: женщину звали Анжелой Ермаковой. Та самая Анжела Ермакова, что забеременела и родила ребенка от всемирно известного теннисиста Бориса Беккера, да к тому же еще и отсудила у Беккера денег, да к тому же... Тут Романову чуть не стошнило при воспоминании о том, как пробовали друг у друга из тарелок. Пикантная подробность про беременность Анжелы Ермаковой была вот такая: сексом с Беккером она занималась лишь однажды,

в техническом чуланчике лондонского отеля. Причем секс был исключительно оральный.

Романова представила себе, как давешняя знакомая набирает полный рот спермы знаменитого теннисиста, как сплевывает в пакетик, замораживает, как, дождавшись овуляции, втягивает в шприц и вводит себе во влагалище... А потом вот этим самым ртом лезет пробовать еду у Романовой из тарелки! Чтобы отвлечь себя от рвотных рефлексов, Романова попыталась понять, чем именно из вышеописанного Анжела Ермакова так привлекла соотечественников. Почему ищут знакомства с нею? Почему зовут за столики? Почему слушают ее болтовню? Почему с каким-то подбострастием смотрят ей в рот? (Черт! Опять этот рот!) Ни в тот вечер, ни после Романова не нашла ответа.

А мы находим легко. Дело даже не в известности. Не в том, что на несколько месяцев Анжела Ермакова стала героиней таблоидов. Дело в том, что она представлялась идеальным трендсеттером.

Вся была из невиданных противоречий. Русская, но негр. Вышла замуж за богатого англичанина, но в Лондоне не стала (как заведено у вышедших замуж) притворяться английской леди, а принялась околачиваться возле набитого русскими богачами ресторана Nobu (как принято у невышедших замуж). Забеременела от богатого и знаменитого (традиционный на Рублевке бизнес), но не обычным способом, а через рот. Идеальный трендсеттер!

Если бы в тот вечер в монакском ресторане Анжела Ермакова показала бы новый способ завязывать шейный

платочек, то через месяц вся Рублевка так завязывала бы. Если бы на Анжеле Ермаковой было в тот вечер платье неизвестного молодого дизайнера, то через полгода бутик этого дизайнера открылся бы в Барвиха Luxury Village. Если бы призвала к революции, то — чем черт не шутит — дамы в соболях и горностаях, может быть, уже тогда стали бы выходить на площадь с антипутинскими плакатами.

Но...

Ничего не предложила Анжела Ермакова ни в тот вечер, ни после. В отличие от Ксении Собчак, которая только за последние пару лет ввела в рублевский обиход следующие тренды:

- 1) моду для девушек носить очки в тяжелой оправе и выглядеть не просто интеллектуалкой, а знайкой и немного синим чулком;
- 2) моду для девушек работать;
- 3) моду для девушек ходить с портфелем;
- 4) моду для девушек ездить с водителем, но на переднем сиденье автомобиля;
- 5) моду для девушек участвовать в протестных акциях.

Она вводила в обиход тренд за трендом, пока не нарушила главное, кажется, и единственное для трендсеттера правило — «правило зеркала».

26. ГРИГОРИЙ МАСЛЕННИКОВ «правило зеркала» формулирует так: зеркало переворачивает право и лево, но не переворачивает верх и низ. То есть трендсеттеру всегда следует нарушать горизонтальные правила и никогда —

вертикальные. Всегда чудить с равными, но никогда не позволять себе эксцентричности с начальством или прислугой. Если видишь на дороге запрещающий знак «кирпич», то надо обязательно под этот знак подъехать. Но если твою машину на шоссе останавливают, чтобы пропустить corteж Путина, ни в коем случае не надо ехать поперек corteжа, ибо таким образом ты, безусловно низший, противопоставляешь себя Путину, безусловно высшему. Убьют дурака, и все дела. Опыт показывает, что люди, соблюдающие невнятное и зыбкое «правило зеркала», имеют успех, но стоит это правило нарушить — беда. Многие люди, которые в иерархии Большой Рублевской Игры давно уже прошли уровень трендсеттера, тем не менее продолжают (просто по привычке) составлять свою жизнь из трендсеттерских парадоксов, никогда (по привычке же) не нарушая «правило зеркала».

Вот, например, миллиардер Роман Абрамович идет в ресторан Ragout, успешное предприятие известного ресторанный критика Алексея Зимина. Уже трендсеттерский парадокс, потому что миллиардер идет в дешевый ресторан, рассчитанный на людей совсем уж среднего достатка. Может быть, потянуло к простым людям? Подобно Гаруну аль-Рашиду*, решил посетить инкогнито кварталы бедняков? Ничуть не бывало: помощник Абрамовича звонит заблаговременно владельцу ресторана, назначает визит

* Арабский халиф, правитель Аббасидского халифата в 786–809 годах. Цикл «Тысячи и одной ночи» рассказывает о его ночных путешествиях по Багдаду). *Прим. ред.*

Абрамовича на неурочное время между обедом и ужином, просит не отпускать повара и официантов... И вот часа в четыре, когда ресторан пустует, а повар и официанты стоят навтыжку в ожидании почетного гостя, дверь распахивается, вваливают человек восемь охраны, рассредоточиваются по ресторану, как если бы захватили его, — и входит Абрамович. Садится скромно за стол, долго читает короткое меню и, наконец, говорит: «Салат приготовьте, пожалуйста, только без заправки».

Он не издевается. Не пытается оскорбить шеф-повара или владельца ресторана. Он ведет себя как трендсеттер — нарушает горизонтальные правила: будучи миллиардером, идет в дешевый ресторан, а придя в ресторан, славящийся своим шеф-поваром, заказывает просто резанные овощи, которые курьер мог бы принести из ближайшего «Макдоналдса». Чудит, одним словом. Но этому же самому Абрамовичу даже и в страшном сне не привиделось бы чудить, когда Путин на два срока отправил его в ссылку губернатором Чукотки — поехал как миленький и всерьез заботился о благосостоянии чукчей. И тот же Абрамович беспрекословно оплатил контракт футбольного тренера Гуса Хиддинка, когда Путину (не президенту уже, но все же верховному властителю страны) стало нужно, чтобы российская сборная попала на чемпионат мира по футболу. Потому что горизонтальные правила следует нарушать ежеминутно, а вертикальную субординацию — никогда. Те, кто нарушал вертикальные правила, — в изгнании или в тюрьме.

Вот в аналогичном случае, за обедом житель Николиной Горы, богач и тверской губернатор Дмитрий Зеленин.

В салате обнаруживает червяка. Пишет немедленно в твиттер, что подали, дескать, салат с червяком, и размещает фотографию червяка и салата. Беда только в том, что обед происходит в Кремле. Согласно «правилу зеркала», Зеленину следовало бы благодарно съесть червяка, раз уж его подали, или, по крайней мере, не болтать о конфузе. И результат — отставка. Возможно, не из-за одного червяка, возможно, и другие претензии накопились у президента к Зеленину, но факт тот, что губернатор был отправлен в отставку после инцидента с червяком. А медиамагнат Владимир Гусинский явился однажды к премьер-министру Михаилу Касьянову, попросил списать государственный кредит и получил отказ. Вместо того чтобы поинтриговать, найти могущественных союзников, дожидаться удобного момента, Гусинский в отместку растрезвонил по всему своему телеканалу НТВ, что Касьянов, дескать, берет взятки по два процента с каждой сделки, которую визирует. Дескать, в правительстве, сказал журналистам Гусинский, Касьянова так и зовут — Миша-Два-Процента. Шутка пошла гулять. Сатирик Виктор Шендерович раз пятьсот пошутил про два процента в своем эфире на НТВ. И все бы ничего. Прежде и кредиты Гусинскому списывали, и Шендеровичу позволяли шутить довольно жестко. Но тут нашла коса на камень, нарушено было «правило зеркала»: Гусинский не сам напал на Касьянова (притом что политический вес медиамагната в те времена был сопоставим с политическим весом премьера), а холопа отправил. Это запомнили, и при первой возможности Гусинский оказался в тюрьме.

Точно так же в тюрьме и все за то же нарушение «правила зеркала» оказался нефтяной магнат Ходорковский, когда у президента на совещании по борьбе с коррупцией попытался бороться с коррупцией, употребляя слова «все мы виноваты». Как все? И президент?

В тюрьме закончил свои дни юрист компании Hermitage Capital Сергей Магницкий, когда попытался раскрыть коррупционные схемы партнеров, облеченных властью. Это не была борьба равных, это низший напал на высшего, причем не с пустопорожним оппозиционным лаем, а с юридическими доказательствами в руках. Нарушил «правило зеркала».

Наконец, возвращаясь к телевидению, вспомним, как уволен был с телеканала НТВ ведущий аналитической программы «Намедни» Леонид Парфенов. Уж сколько ему пришлось. Но тут Парфенов в прямом эфире сделал интервью с Маликой Яндарбиевой, вдовой бывшего чеченского президента, убитого российскими спецслужбами. Нарушил «правило зеркала» тем, что привлек к политической борьбе бабу. Тогда как женщины в Большой Рублевской Игре неизменно почитаются низшими существами и (за редчайшими исключениями) не говорят.

Во всяком случае, не говорят на трендсеттерском языке.

27. ТРЕНДСЕТТЕРСКИЙ ЯЗЫК, манера говорить — это предмет особый. Ночь уже, тишина, пустой дом, темный сад за окнами, про который мы знаем, что трое вооруженных людей где-то там в темноте охраняют периметр. Банкир Петр Авен водит меня по комнатам, показывает

коллекцию живописи и спрашивает время от времени, указывая на какую-нибудь картину на стене: «Знаете, кто это?»

Я пожимаю плечами. Я не узнаю человека в очечках и с бородой на портрете, судя по всему, начала XX века. Мало ли там их было в очечках и с бородой. Они все были в очечках и с бородой. Если бы на человеке был военный френч, тогда я бы сказал... Может быть...

— Троицкий! — улыбается Авен, прежде чем я успеваю высказать догадку. — А это знаете что? Почему рваное?

На стене висит листок бумаги, на котором изображен человек — довольно схематично, но совершенно трагически. И голова человека не поместилась, поэтому к основному листку приклеен еще клочок бумаги, и на клочке портрет продолжается.

— Знаете, что это? — спрашивает Авен.

Пока я собираюсь с мыслями, он внимательно смотрит на меня. Как только я готов высказать предположение, Авен говорит:

— Это Врубель! Врубель! В конце жизни в сумасшедшем доме. Ему не хватало бумаги, он склеивал из клочков.

Воспользовавшись моим замешательством, даже неловкостью от того, что не угадал Врубеля, Авен читает мне что-то вроде лекции (впрочем, очень содержательной) про русский авангард. Его лекция от лекций, которые я слушал студентом, отличается только интонацией. В студенческие мои годы профессор Аверинцев, обращаясь к аудитории двадцатилетних балбесов, начинал так: «Эпикур, как вы знаете, родился в триста сорок втором или сорок первом

году до нашей эры на острове Самос...» Мы же, разумеется, про год и место рождения Эпикура слышали впервые, а многие и про самого Эпикура впервые слышали, и про остров Самос. Но такие авансы студентам профессор считал правильными. Интонация лекций Аверинцева была — поддаться. Интонация Авена — доминировать.

Притом что доминировать ему не надо (просто трендсеттерская привычка). Как только я собираюсь с мыслями, чтобы поддерживать разговор, Авен подводит меня к очередной картине и говорит:

— А вот Кустодиев. Вы же должны догадаться, что это за сюжет.

— Это пьеса Островского г... г... — я заикаюсь, просто я заикаюсь от природы.

И поэтому Авен опережает меня: «...“Гроза”».

А дальше следует история про то, как Авен нашел и купил этого Кустодиева, как картина не влезала в обычный его «Мерседес», как он звонил в банк и вызывал микроавтобус с охраной, боясь хоть на секунду оставить неожиданно обретенный шедевр.

Наш разговор (как любой разговор с трендсеттером) похож на игру в одни ворота. Трендсеттер всегда задает собеседнику вопросы, сбивающие с толку, и всегда, воспользовавшись замешательством, буквально сгружает в голову собеседнику то, что должно стать трендом. К чести Авена, надо признать, что многих людей на Рублевке именно он научил собирать живопись, впрочем, тогда уже большинство бесхозных шедевров русского авангарда были куплены им самим. Интеллигентный Авен пристрастил

миллиардеров-выскачек к коллекционированию искусства, сам оказавшись первым коллекционером. Насадил тренд и оказался лучшим во многом — благодаря манере разговаривать. В этой его манере нет ничего обидного. Ничего уничижительного. Он не для того сбивает меня с толку вопросами, чтобы упрекнуть незнанием Кустодиева или Врубеля. Просто технический прием — сбить собеседника вопросом, самому дать ответ и продолжать уже с позиции человека осведомленного обращаться (при всем уважении) к неосведомленному. Таковы трендсеттеры. Так они разговаривают.

Еще одно правило трендсеттера в том, чтобы на вопрос собеседника никогда не отвечать прямо. Это лишает инициативы. Говорить о другом. Менять тему. Отвечать прямо только в тех случаях, когда ответ дает преимущество и позволяет трендсеттеру прочесть собеседнику лекцию.

Ночь, тишина, пустой дом. Мы гуляем из комнаты в комнату. Я спрашиваю:

— А вам не кажется, что следовало бы издать каталог вашей коллекции?

— Я, — отвечает Авен, — давно уж издал каталог.

Протягивает руку, берет со стола толстенную книгу и предлагает мне полистать. Я листаю, восхищаюсь и думаю, как это получилось у Петра Олеговича, что каталог, про который я спросил, оказался как раз под рукой. Случайно? Или на каждом столе в огромном доме к приходу гостя приготовлено по каталогу? Или трендсеттерское везение? Вечный рояль в кустах.

— Я смотрю, Петр Олегович, вы...

— Да, — подхватывает Авен. — Я глубоко в теме. Пойдемте, я покажу вам фальшивки. За всю жизнь я купил всего две фальшивые работы. Сейчас покажу.

И как-то само собой получается, что я отвесил Авену комплимент, а он его скромно принял, оттенив оцененную мной компетентность рассказом о коллекционерских неудачах. Так или иначе, вот он опять читает мне лекцию о том, как отличить фальшивку от подлинника, а я стою и слушаю с открытым ртом. И всю эту словесную паутину Авен плетет не ради выгод каких-нибудь. Ему ничего от меня не нужно. Я просто напросился в гости, а он просто любезно пустил. Просто трендсеттерская привычка, хотя Петр Авен давно уже прошел трендсеттерский уровень в Большой Рублевской Игре.

28. ЕСЛИ ТРЕНДСЕТТЕР НЕ ПОНИМАЕТ, зачем ему задают вопрос, то никогда не отвечает на него. Но не отказывается от ответа, не произносит стандартное «без комментариев». Вместо того чтобы ответить на заданный вопрос, отвечает на другой, незаданный. Так рождаются легенды. Ведь любой трендсеттер хочет, чтобы о нем рассказывали не истории, а легенды.

— Скажите, — спрашиваю я ресторатора Аркадия Новикова, — правда ли, что, когда вы перестали управлять «Верандой у дачи», прибыль ресторана сразу упала вдвое, так что владелец его, Емельян Захаров, вынужден был возобновить с вами контракт?

— Нет, — отвечает Новиков. — Это красивая легенда, но дело было совершенно не так. Ребята и сами неплохо

управляли «Верандой». Я следил за их успехами и даже слегка завидовал. И очень обрадовался, когда они предложили мне управлять их рестораном.

Обратите внимание: я спрашиваю Новикова о том, правда ли, что, поуправляв некоторое время «Верандой», он ушел и тогда прибыли упали вдвое, а владельцы вынуждены были позвать его обратно. А Новиков отвечает, что был очень рад, когда его пригласили управлять рестораном. Я спрашиваю про одно время, а Новиков отвечает про другое. Абсурдность нашего разговора стала бы очевидной, если бы проставить даты. Если бы я спросил: «Правда ли, что в ноябре?..», если бы Новиков ответил: «Нет, не правда. В январе я...» — логический зазор разверзся бы. Но даты не проставлены. Разговор течет плавно. Сразу и необразишь, что я спрашиваю про одно, а Новиков отвечает про другое. Но у меня в душе поднимается смутное беспокойство от того, что Новиков не отвечает на вопросы, которые я задал, и отвечает на вопросы, которых я не задавал. Это беспокойство — нормальная реакция лоха (я ведь лох, я ведь соблюдаю правила) на словесную игру трендсеттера. Оно заставляет меня слушать невнимательно: формально задавать вопросы, формально получать ответы, но на самом деле следить за выражением лица, за деталями одежды, за случайными событиями вокруг... Тут-то и разыгрывается для меня спектакль, весьма эффективно живящий мне в мозг Легенду-о-Новикове.

Мы разговариваем в одном из новиковских ресторанов. И вот, пока мы разговариваем, к Новикову подходит девушка-менеджер, чтобы рассказать, как она отчитала

охранника, не пустившего в ресторан за четверть часа до открытия каких-то людей, которые хотели войти.

— Я объяснила ему, что так нельзя с гостями. Еще один раз, и...

— Хорошо, — говорит Новиков, — я потом еще сам с ним поговорю...

А еще почти поминутно в новиковский мобильный телефон приходят эсэмэски, цифры какие-то. Я кошусь на телефон, спрашиваю, что за цифры, и Новиков поясняет: сводки из его нового ресторана в Лондоне — сколько было посетителей, какие заказывали блюда, какой в среднем счет за ужин, сколько столов заказано на вечер... Оказывается, даже будучи в Москве, Новиков руководит лондонским своим детищем в онлайн-режиме.

Друзья мои журналисты рассказывали, что во время интервью или даже во время фотографических глянце-вых съемок случалось, что к Новикову подходил шеф-повар задать какой-то вопрос и Новиков просил прервать съемку, отправлялся на кухню, принимался там готовить что-то вместе с шеф-поваром, да так увлекался, что приходилось перетаскивать на кухню студийный свет и там продолжать фотосессию. И я допускаю, что это неусыпное внимание к каждой мелочи в каждом своем ресторане Новиков проявляет вполне искренне. Правда интересуется! Правда вникает! Правда следит! Правда профессионален, как черт! Но искренняя и наглядная погруженность Новикова в мельчайшие детали своего ремесла, тем не менее, есть не что иное, как трендсеттерская уловка. На моих глазах, пользуясь моей неудовлетворенностью

его анахроничными ответами, Новиков создает в моей голове легенду о себе.

По здравом размышлении мне следовало бы решить, что успех Новикова не может определяться его личным вниманием к каждой детали. У него больше сотни ресторанов, разбросанных по всей Москве, по всей Рублевке, да вот теперь еще и в Лондоне. Он физически не может в каждом из этих ресторанов отчитывать охранников, следить за числом забронированных на вечер столиков и готовить в четыре руки с шеф-поварами. По здравом размышлении...

Но я не способен на здравое размышление. Не отвечая на заданные вопросы и отвечая на незаданные, Новиков сбивает меня с логического хода мысли. Это виртуозный трендсеттерский финт.

Я мог бы оглядеться вокруг и увидеть, что мужчины за столиками едят в основном мясо, а женщины — в основном рыбу. Мужчины пьют в основном крепкие напитки, а женщины — в основном вино. Я мог бы сообщить, что любой новиковский ресторан — это в сущности усовершенствованный «Арагви», то есть продвинутая шашлычная. Я мог бы предположить хотя бы, что успех Новикова определяется этим не прерванным все же родством с шашлычной, которая понятнее нашим стремительно разбогатевшим шашлычникам. Я мог бы хотя бы допустить такую мысль. Или какую-нибудь другую. Но куда там...

После часового интервью я выхожу из ресторана с полным диктофоном бессмысленных слов, но с уверенностью, что разгадал секрет успеха ресторатора Новикова. Я буду

рассказывать, что Новиков успешен, потому что лично вникает во все детали, лично отчитывает охранников, лично отслеживает заказ столиков и лично готовит с шеф-поваром. Эти мои рассказы (и других попавшихся на ту же удочку) будут подпитывать Легенду-о-Новикове. Тысячи людей будут всерьез считать, что ходить следует в те рестораны, где Новиков бывает лично. Эти рестораны будут модными, трендовыми. А прибыль в ресторанах, которыми Новиков лично перестал управлять, мгновенно упадет вдвое. Такова сила легенды.

29. ДОВОЛЬНО ЧАСТО ТРЕНДСЕТТЕРЫ СТРОЯТ свои легенды даже и против воли. Сплошь и рядом легенды вырастают из сплетен, а то и вовсе прямой клеветы. В этом смысле мало от кого бывает трендсеттеру столько пользы, сколько от врагов. И бесценным подарком может стать для трендсеттера то, что для простого человека драма.

Например, развод. Обыкновенному человеку — лоху, соблюдающему правила, — никаких бонусов не может поступить от развода, особенно если развод недружественный, с судебным разделом имущества и детей. Лох страдает, когда в процессе судебного разбирательства выплывают на свет подробности его частной жизни. Когда приходится тащить в суд малышей, чтобы Его честь спрашивал: «Ты с кем хочешь жить? С папой или с мамой?» После бракоразводного процесса лох растерзан и подавлен, благодарит Бога, что весь этот ужас наконец кончился.

Трендсеттер — другое дело. Вероятно, он тоже переживает и страдает — человек все-таки. Но бракоразводные

страдания позволяют трендсеттеру разъяснить всему миру, что человек-то он необычный.

Одним из самых громких разводов на Рублевке был и до сих пор остается развод четы Слуцкер. Владимир Слуцкер, удачливый бизнесмен, миллионер, сенатор и по слухам — тот самый человек, при посредничестве которого можно решить в генеральной прокуратуре любую проблему или, наоборот, любую проблему создать. Ольга Слуцкер — предпринимательница, владелица сети фитнес-клубов World Class. Первый ее клуб в Жуковке долгое время был на Рублевке единственным, в него ходили все: от хамоватых нуворишей с криминальным прошлым до милейшего и интеллигентнейшего историка и телеведущего Николая Сванидзе. Ольга, разумеется, со всеми знакома и ключевым светским персонажем стала волей-неволей.

Пока не дошло у Слуцкероv до развода, про них больше и сказать-то было нечего. Про Владимира известно только, что он увлекается каббалой. А про Ольгу — что деньги на свои фитнес-клубы она взяла у мужа, но бизнес успешный, и долг давно отдан. Ничего особенного, люди как люди. Мало ли на Рублевке успешных бизнесменов и сенаторов, чьи жены ведут успешный бизнес и красуются в светской хронике глянцеvых журналов?

Но стоило супругам Слуцкер начать бракоразводный процесс, как оба они превратились в героев рублевского эпоса, в самых что ни на есть трендсеттеров.

Сначала Владимир Слуцкер заявил, что дети должны остаться с ним, поскольку Ольга даже и не рожала их. Дети

были выношены суррогатной матерью. В косной России такая информация, может быть, и должна была склонить общественное мнение на сторону Владимира, но только не на Рублевке. Рублевцам, наоборот, нравится всякий логический зазор, всякий обходной путь, при помощи которого может быть изменен естественный ход вещей.

Им нравилась профессорская дочка Ксения Собчак, ругающаяся на охранников как сапожник. Их занимала Анжела Ермакова, зачавшая через рот. Теперь они увлечены Ольгой Слуцкер — ни разу не рожавшей матерью двоих детей. Не проходит и месяца, как все рублевские обывательницы принялись копировать Ольгину манеру одеваться, болтали о суррогатном материнстве, и совсем уж неслыханной популярностью начала пользоваться детский психолог, к услугам которой Ольга прибегала в суде и во время разборок с мужем. Ольга стала трендсеттером, каким не могла бы оказаться, сколько бы ни настроила в Москве фитнес-клубов.

На волне своей популярности Ольга совершила серьезную трендсеттерскую ошибку: дала несколько интервью, которые по логике должны были бы компрометировать Владимира Слуцкера, но на самом деле мифологизировали его. Ольга сказала, что дети должны оставаться с нею, поскольку Владимир оголтелый сионист. Дескать, он разъясняет детям, что кровь их недостаточно чиста, не вполне еврейская...

(Мы сидим с Ольгой в маленьком ресторанчике, и она прямо так и говорит: «Представляете, дочка плакала и оправдывалась, что в ней ведь грязной крови совсем

немного. “Мамочка, — говорит, — во мне ведь грязной крови совсем немножко”. И это мою кровь в своих жилах она называла грязной».)

Кроме того, Ольга заявила, что Владимир тронулся рас­судком на своих каббалистических штудиях. Всерьез счита­ет себя богом, мессией, всерьез говорит, что душа его живет в двух телах, одно из которых здесь, в России, а дру­гое — где-то в Германии.

В православной стране такая информация, может быть, и должна бы склонить общественное мнение на сторо­ну Ольги. Но только не на Рублевке. Рублевцам нравятся всякие аберрации традиционных вероисповеданий. Как верят они в то, что мощи святого князя Владимира могут быть сертифицированы археологическим институтом, так верят и в то, что сенатор Слуцкер может оказаться... ну... богом не богом, мессией не мессией, но уж во вся­ком случае могущественным каббалистом, сколотившим состояние при помощи гематрики*. Глазом не успеваешь моргнуть, как половина рублевских обывателей носит уж на запястье красную ниточку, по которой узнают друг дру­га потешные каббалисты.

(Я сижу у Владимира Слуцкера в кабинете и слушаю, как он клеймит всех этих красноточников шарлатана­ми. За его спиной в застекленном шкафу — книги на ив­рите и на древнеарамейском. И невольно поддаешься этой рублевской легенде, хочется унести поскорее ноги — того и гляди превратит в крысу.)

* Магическо-философская теория чисел. *Прим. ред.*

Вот так и выходит, что развод и традиционное при разводе поливание друг друга грязью превращает вдруг малоинтересных людей в легендарных, сказочных персонажей, в трендсеттеров.

Им остается только как-то приложить к делу свою способность навязывать людям модные тренды. Использовать свое трендсеттерство для продвижения вверх по иерархии Большой Игры.

30. ШТУКА В ТОМ, что сам по себе тренд ни для чего не нужен — так, безделка. Владимиру Слуцкеру никакой пользы от того, что тысячи людей начнут увлекаться каббалой. Ольге Слуцкер не тепло и не холодно от того, что сотни женщин станут всерьез обдумывать возможность суррогатного материнства. Ксении Собчак, может, и приятно сознавать, что множество девушек переняли у нее манеру носить очки в толстой оправе, но пользы-то опять никакой.

Тренды возникают и забываются. Ничего не значит ни появление трендов, ни их исчезновение. Просто какой-то трендсеттер зацепил общественное сознание каким-нибудь логическим парадоксом, и трендсеттеру ненадолго стали подражать. Без последствий.

Главный редактор журнала Vogue Алена Долецкая придумала никогда не носить чулок, некоторое время рублевские дамы подражали ей. И что? Ничего. Забыли. Снова принялись носить.

Бывший глава администрации президента Александр Волошин полюбил певицу Сезарию Эвору. Ввел моду ее

слушать. Многие слушали. И что? Ничего. Разве что для Сезарии Эворы был от этого прок: несколько раз пригласили старушку с Кабо-Верде на Рублевку выступить за астрономический гонорар. Все. Мода прошла даже раньше, чем почил в бозе эксцентричная любительница сигар.

Миллиардер Алишер Усманов ввел моду на узбекскую кухню. И что? И ничего. В выходные дни под рублевскими соснами при каждой уважающей себя усадьбе стали колдовать узбекские повара над своими казанами, мангалами и тандырами. Но вскоре мода на узбекскую кухню прошла, увлеклись японскими суши. Те же таджики, что прежде притворялись узбеками, теперь стали притворяться японцами. А потом забыли и японцев, увлеклись фермерскими продуктами, так что повара вынуждены были рядиться в русские косоворотки. И что? Ничего. Быстротечная мода. Меняющиеся тренды.

Была, например, мода строить дома, похожие на Бутырскую тюрьму. Потом пришла мода строить дома, похожие на Зимний дворец в Петербурге. Потом стали строить финские дома. Потом — швейцарские горные шале. Потом пристрастились разбирать и привозить из Европы целые комнаты, а то и шато — аутентичный паркет, лестницы, камин. И что? Ничего. На территории некоторых рублевских усадеб так и стоят рядом тюрьма, дворец, финский дом, шале и шато — четыре дома пустуют, а хозяин живет в пятом, потому что он теперь в моде. И что?..

А в 90-е была мода оборудовать в подвале тир. А в 2000-е вместо тиров стали устраивать винные погреба. А в 2010-е поколения сменились, и молодежь принялась

не складировать в подвалах дорогие бутылки, а выращивать в подвалах марихуану под лампами. И что? Ничего!

Меняющиеся рублевские моды имели смысл только для тех трендсеттеров, что ухитрились оседлать запущенный ими тренд, заработать на тренде деньги, пока тренд актуален.

Григорий Масленников строил горные шале на равнинной местности, пока шале не вышли из моды. Ксения Собчак написала книжку для девушек о том, как модно одеваться. Сталик Ханкишиев вымуштровал целый полк узбекских поваров, колдовавших над казанами, и написал про колдовство над казанами три книжки. Аркадий Новиков построил сотню ресторанов на узбекском гастрономическом тренде. Алексей Зимин — пару ресторанов, когда вошли в моду фермерские продукты.

Есть люди, которые смогли превратить тренд в проект. Эти люди — герои следующей главы. Их проекты — не что иное, как монетизированные тренды. Не что иное, как мода, которую трендсеттер насаждает не просто для развлечения, а с целью заработать на тех, кто ей следует.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

